

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-5-75-81>

Компаративные конструкции в современной русской прозе: эволюция образа сравнения

Наталья Анатольевна Николина¹, Зоя Юрьевна Петрова²

¹Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, admin@riash.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

²Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская Академия наук, г. Москва, Россия, zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

Аннотация. Статья посвящена изменениям, которые претерпевают образы сравнения компаративных конструкций – метафор и сравнений – в современных прозаических текстах в сопоставлении с более ранними периодами развития русской литературы. Цель – выявить тенденции развития компаративных конструкций в современной русской прозе. Актуальность исследования определяется необходимостью многоаспектного описания языковых процессов в современной художественной речи, одним из которых является эволюция образа сравнения в компаративных конструкциях. Анализ проводится на материале произведений современных русских прозаиков: Ю. Буйды, В. Залотухи, Е. Водолазкина, А. Иванова, З. Прилепина, А. Иличевского, Т. Кибирова, А. Матвеевой, О. Славниковой, М. Степновой, Д. Рубиной, Г. Яхиной и др.; также привлекаются контексты из Национального корпуса русского языка. В процессе исследования используются описательный, структурно-семантический и сопоставительный методы. Основное внимание в работе уделяется новым элементам в традиционных рядах образов сравнения, обозначающим недавно появившиеся реалии, в том числе связанные с компьютерными технологиями, а также терминам из различных областей науки. Делается вывод, что в современных прозаических текстах ряды образов сравнения расширяются на основании родо-видовых и синонимических отношений. Обновление компаративных конструкций сопровождается частой конкретизацией образов сравнения, при этом возрастает объем компаративной конструкции, которая может включать однословные определения, полупредикативные обороты, придаточные предложения. В результате образ сравнения детализируется и приобретает многоаспектность. Одновременно в современной русской прозе наблюдается тенденция к стилистическому снижению используемых образов сравнения.

Ключевые слова: компаративная конструкция, метафора, сравнение, образ сравнения, современная проза, динамические процессы

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

Для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Компаративные конструкции в современной русской прозе: эволюция образа сравнения // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 5. С. 75–81. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-5-75-81>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Comparative constructions in modern Russian prose: the evolution of figurative comparison

Natalia A. Nikolina¹, Zoya Yu. Petrova²

¹Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, admin@riash.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

²Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

Abstract. The research explores the changes undergone by comparative figurative meaning constructions (metaphorical and similitive) in modern prose texts in comparison with earlier periods of Russian literature development. The article aims to identify trends in the evolution of comparative constructions in modern Russian prose. The need for a multidimensional description of linguistic processes in modern literary speech determines the relevance of the study. One such process is the evolution of figurative comparison in comparative constructions. We analysed the material of the

works by such modern Russian prosaists as Yu. Buyda, V. Zalotukha, Ye. Vodolazkin, A. Ivanov, Z. Prilepin, A. Illichevsky, T. Kibirov, A. Matveyeva, O. Slavnikova, M. Stepnova, D. Rubina, G. Yakhina and others. Additionally, we used contexts obtained from the National Corpus of the Russian Language. The research employed descriptive, structural-semantic, and comparative methods. The main attention is given to the appearance of new elements in the traditional range of comparative metaphorical and similitive constructions. They denote realities which have recently emerged, including those related to computer technology and terms from various fields of science. The article concludes that in modern prose texts, the range of figurative comparative constructions is expanding on the basis of genus-species and synonymic relations. The revival of comparative constructions is accompanied by frequent concretisation of figurative comparisons, which increases the size of such constructions. As a result, they can include one-word definitions, semi-predicative phrases, and subordinate clauses. Thus, the figurative comparison becomes detailed and multidimensional. At the same time, there is a tendency to a stylistic degradation of figurative comparison used in modern Russian prose.

Keywords: comparative construction, metaphor, simile, figurative comparison, modern prose, dynamic processes

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00060 "Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose".

For citation: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Comparative constructions in modern Russian prose: the evolution of figurative comparison. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(5):75–81. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-5-75-81>.

Введение. Компаративным конструкциям — метафорам и сравнениям разных структурных типов — присуща в современной русской прозе высокая степень динамичности. Их употребление основано на «сложном переплетении устойчивого и изменчивого, старого и вновь возникшего» [Кожевникова 1995: 6]. Динамика компаративных конструкций в современной русской художественной речи во многом связана с «ускорением темпа жизни человека нового времени, интенсивным развитием общества, усложнением системы социальных отношений, бурным развитием науки и техники, быстрой сменой идеологических ориентиров, господствующих философских и литературных направлений»¹.

По сравнению с более ранними периодами развития литературы изменения в современной прозе затрагивают все элементы компаративных конструкций: и образы сравнения, и предметы сравнения, и основания сравнения. Наиболее явными и последовательными изменениями характеризуются образы сравнения. Эти эволюционные процессы в художественных метафорах и сравнениях нельзя считать достаточно изученными. Эволюция тропов рассматривалась в русистике преимущественно на материале поэзии, прежде всего XIX–XX вв. [Кожевникова

1995]². Общая характеристика русской метафорической системы в диахронии представлена в работе Л. В. Балашовой «Русская метафора: Прошлое, настоящее и будущее»³.

В исследовании О. Н. Кондратьевой на большом языковом материале прослежено развитие метафорических моделей в лингвокультурологическом аспекте⁴ начиная с XI в. Компаративные тропы в прозе, в том числе современной, исследуются в разных аспектах⁵, однако при этом,

² См. также: Иванова Н. Н. Демократизация стихотворной речи (современный этап) // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX–XX вв. Фет. Современная лирика. М.: Наука, 1985. С. 139–230; Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX веков как источник диахронического изучения образных параллелей // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Азбуковник, 2013. С. 168–174.

³ Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее и будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.

⁴ Кондратьева О. Н. Указ. соч.

⁵ См.: Евтушенко О. В. Техники создания компаративных тропов в современной российской прозе // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сб. научных статей / под общ. ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой. М.: Аквилон, 2021. С. 69–83; Звездина Ю. В. Динамика развертывания метафорических словесных рядов в современной русской прозе // Там же. С. 84–94; Коробкова Е. С. Механизм сравнений в произведениях Ольги Славниковой // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2(11). С. 38–40; Цинковская Ю. В.

¹ Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI–XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2014. С. 11.

как правило, не рассматриваются динамические процессы в этой сфере. Цель нашей работы – выявление тенденций развития компаративных конструкций в современной русской прозе.

Методы и материалы исследования.

В качестве материала для анализа в данной статье были взяты произведения Ю. Буйды, В. Залотухи, Е. Водолазкина, А. Иванова, З. Прилепина, А. Иличевского, Т. Кибирова, А. Матвеевой, О. Славниковой, М. Степновой, Д. Рубиной, Г. Яхиной и других современных прозаиков; кроме того, рассматривались контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка⁶.

В процессе исследования использовались описательный, структурно-семантический и сопоставительный методы.

Анализ. Как показывает анализ материала, в современных прозаических текстах наиболее продуктивными являются такие семантические классы компаративных тропов, как зооморфные, антропоморфные, артефактные, пищевые; менее распространены фитоморфные метафоры и сравнения, а также тропы с образами сравнения, относящимися к семантическим классам «Огонь», «Свет», «Вода», «Атмосферные явления», «Металлы», «Камни» и др. Во всех отмеченных семантических классах в современных текстах появляются новые образы сравнения, которые не встречались ранее в текстах русской прозы. В первую очередь, это наименования новых, недавно появившихся реалий:

– названия предметов бытовой техники:

Ксения погружает лицо в ладони, и голос ее звучит глухо: – Жизнь измельчает человека, как *кухонный комбайн*. – Я глажу ее по плечу (Е. Водолазкин. Оправдание Острова);

...девочка вырвалась, вильнула, врезалась в кого-то еще, в чей-то урчащий, как *стиральная машина*, туго обтянутый живот (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки);

Антропоцентричные и предметные метафоры в современной русской прозе // Гуманитарный вектор. 2010. № 2(22). С. 155–158.

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2023) (НКРЯ).

– наименования новых блюд или продуктов питания:

П. Н. вбегал на кухню, за ним шагала Ека с невообразимой прической. Волосы у нее были – будто опарыши. Или переваренные макароны. – Что это за *доширак*? – шепнула Геня Гималаева в смуглое ухо Ирак (А. Матвеева. Есть!);

Крупные губы грустят, как сосиска. Похож на *хотдог* (С. Шаргунов. Ура!).

Кроме того, в современной литературе возникает новый класс образов сравнения, связанный с компьютерными технологиями. «В XXI веке, веке технологий и виртуальной реальности, меняется окружение человека, становится более плотным в отношении гаджетов и девайсов, что в целом предопределяет быт человека и его поведение» [Димитриева: 2021: 58]. Тропы с опорными словами этой семантической сферы характеризуют разнотипные предметы сравнения, например:

Мне казалось, что в голове, как в *компьютере*, что-то попискивает и движется: разнородные данные должны были в итоге свестись к одному знаменателю и выразиться некоторой денежной суммой (А. Волос. Недвижимость);

Глеб, филолог по образованию, вспоминал, как у Астафьева в «Оде русскому огороду» бабушка ругала деда, копавшего грядки: «Борозду пройдет – папирёсу! Борозду пройдет – папирёсу». Это и был русский народный *Твиттер*, но только Господу Богу (А. Иванов. Комьонити);

Но на *десктопе* нашего мира есть *иконка*, позволяющая им управлять. Такой черный треугольник, по которому можно кликнуть мышью (В. Пелевин. Непобедимое солнце).

В современных прозаических текстах чаще, чем раньше, в качестве образов сравнения используются также научные термины. Это, например, термины физики:

Мораль рождается, когда один человек ставит себя в зависимость от существования другого, подобно тому как *элементарные частицы связывают свои волновые функции*, подчиняясь неизбежности закона природы. <...> Мир без морали – это мир *корпускул*, которым безразличны другие частицы-личности, они лишь сталкиваются между собой, в то время как моральный мир *связывает личности в общую волновую функцию* (А. Иличевский. Чертеж Ньютона);

ЭНТОМОЛОГИИ:

А потом Линдт наконец завис на несколько минут над какой-то неслыханной формулой, больше похожей на сложное насекомое, ошетилившееся десятком хищных *педипальп* и *хелицер* (М. Степнова. Женщины Лазаря);

медицины:

...сами пропорции промышленного города оказались засекречены так, что последствия искажений, подобно *последствиям полиомиелита*, сказывались на структуре города, как реального, так и изображенного, сообщая улицам странные вывихи и заставляя неоправданно влиять, срываясь рогами с проводов, городские неуклюжие троллейбусы (О. Славникова. 2017).

Научные термины, служащие образами сравнения, в ряде случаев приобретают текстообразующий характер и развивают сквозные мотивы произведения. Например, в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» термины из области энтомологии *неотения*, *метаморфоз*, *имаго* образуют метафорический ряд, рисующий процесс взросления человека.

В современной русской прозе в системе образов сравнения заметно расширяется состав видовых обозначений, в результате меняется характер соотношения «род—вид». Так, в семантическом классе «Пресмыкающиеся» наряду с традиционным образом сравнения *змея* появляется метафора *мамба* (*черная мамба*):

Зашла речь про баб. И он мне говорит — ты с Леной поосторожней, я слышал, она *мамба* (Е. Завершнева. Высотка);

— Я тебе не помешаю? — раздался за спиной у Василия Ивановича тихий голос ядовитой змеи, не иначе *черной мамбы* (Т. Кибиров. Генерал и его семья).

В семантическом классе «Насекомые», помимо регулярно использовавшегося образа *жука*, начинают встречаться такие видовые обозначения, как *водомерка*, *майский хрущ*, *скарабей* и др. Например, образ сравнения *водомерка* характеризует разные предметы сравнения:

Некоторые из женщин умеют плавать по-собачьи, тогда на ягодицах их вздувается воздух внутри мокрой порозовевшей вискозы, а сами они медленно, как больные *водомерки*, ползают своими телами по воде (А. Эппель. Июль);

Издали он увидел бегущего Коляна, темневшего в серебряной пелене, точно *водомерка* на

зыбкой и светлой поверхности воды (О. Славникова. 2017);

...по течению гуськом летят байдарки, словно *водомерки*, суставчато вымахивая веслами (А. Иличевский. Анархисты).

В семантическом подклассе «Фрукты и ягоды» класса «Растения» также появляются новые видовые наименования, которые служат образами сравнения. Так, голова человека сравнивается с *алычой* (ранее использовались образы *вишни*, *груши*), лицо — с *киви* (ранее встречались образы *яблока*, *дыни*, *арбуза*, *лимона* и др.), губы — с *хурмой* (ранее использовались наименования *персик*, *вишня*, *черешня*, *малина* и др.). Например:

— К ней ездил мужик из Донецка, мне бабла сунул. Башка у него желтая и голая. Башка — как *ягодка алычи*, Серег (С. Шаргунов. Ура!);

Смеялись и обе дамы, у Ирэн личико было смуглое, измятое, точно подгнившее *киви*... (Там же);

...и вдруг прижался к ее губам как будто сушеной, перележалой, прогорклой *хурмой* (М. Вишневецкая. Вот такой гобелен).

Круг видовых наименований — образов сравнения — обновляется и в семантическом классе «Металлы». Например, при характеристике человека в целом наряду с традиционными образами *железа*, *стали*, *булата* появляется *дюралюминий*:

Я осторожно стучу пальчиками, и, вообрази, Сержант, открывает мне дверь не жесткая баба, не военно-спортивная дамочка из *дюралюминия* и отнюдь не эсэсовка, какой она мне казалась в минуты нервической безработицы (В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове).

При описании глаз человека ряд устойчивых образов: *металл*, *олово*, *железо*, *сталь*, *свинец* — дополняется новыми элементами *нержавеяка*, *вольфрам*:

Старуха с блеском *нержавеяки* в глазах — наш классный руководитель (А. Белозеров. Люди до востребования);

они закричали: давай, выкладывай свою тайну. они сперва ничего не поняли. потом вдруг поняли. их глаза потускнели, как мертвый *вольфрам* в перегоревшей лампочке. он все рассказывал: он — одной крови с известным стариком, изображенным на плакате (Г. Бер. Сулико).

Наряду с расширением состава видовых наименований в современной прозе возрастает и число образов, синонимичных традиционным. Так, при наличии

традиционного в литературе образа *пре-смыкающегося* при характеристике человека в современной прозе появляется образ *рептилия*:

Мне не хотелось прокручивать этот кусок, ибо он мерзкий, характеризует этих людей как отвратительных *рептилий* (А. Проханов. Господин Гексоген);

Шла старуха легко, с величавым благородством прямоходящей *рептилии*, древнего человекоподобного завра (М. Елизаров. Библиотекарь);

Сразу скажу, что он мне не понравился: коротко подстриженный, в очках, с прозрачными глазами *рептилии* и тонким, похожим на щель для монет ртом (Ю. Андреева. Многообразие сборки).

Единичные в предшествующий период употребления образы сравнения с течением времени в современной прозе могут становиться регулярными, при этом расширяется охват характеризуемых реалий. Например, частотным становится образ *богомол* в семантическом классе «Насекомые», который представлен в прозе начала XX в. только одним примером; ср.:

Бабаеву показалось, что Качуровский ненавидит роту уже за то, что вся она, как на подбор, из таких маленьких людей, чуть не вдвое ниже его ростом; что он ненавидит небо за то, что оно в грозовых тучах; землю — за то, что по ней нужно так долго идти к дому; свою семью, куда он придет и где будет крикливо и бестолково от маленьких ребят и замучившейся с ними жены, зеленолицей худенькой дамы, похожей на *богомол* (С. Сергеев-Ценский. Бабаев, 1906–1907) —

Рябков скорее напивался сам, делаясь обидчивым и странно рукастым, будто насекомое *богомол* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки);

Тут же сидел щуплый, сутулый, похожий на *богомол* человек, свесив на слабой шее длинную рыжеватую голову с лысым лбом и подслеповатыми глазками (А. Проханов. Господин Гексоген);

Плакса с бледными глазами навываке смахивал на нервного *богомол* (М. Петросян. Дом, в котором...);

На дне его таятся два насекомых. *Богомол*: ковш экскаватора вмещает легковой автомобиль. Медведка: дробилка, похожая на бронепоезд, с остистым забралом на рельсовом ходу (А. Иличевский. Гладь).

Другой тенденцией развития компаративных тропов в современной прозе является регулярное использование определенных или придаточных определительных, распространяющих и конкретизирующих образ сравнения, например:

голодные мыльные сумерки с негаснувшей рекой, блестящей, будто *нож с остатками масла, с мягкими сдобными крошками* (О. Славникова. 2017);

Горе забило в ней, как *холодная и сильная рыба в пустом ведре* (А. Иванов. Бронепароходы);

Ветер гнал волну, озлобляя *реку, будто цепную собаку, которая щетинит шерсть на загривке и скалится* (Там же);

Высокий чистый лоб, *две седые пряди, бегущие мерзлыми ручьями* от пробора к вискам, глаза как *ржавая зимняя рябина* (М. Турбин. Выше ноги от земли).

В результате выделяемый образ детализируется, уточняется или приобретает многоаспектность.

Распространение образа сравнения наблюдалось и в прозе XIX — первой половины XX в.; ср.:

Егор Николаевич Бахарев теперь как-то напоминал собой всех: и мать, проводившую сына в рекруты, и *кошку, возвращающуюся после поиска утопленных котят* (Н. Лесков. Некуда);

— Что это вы смотрите *кроликом, у которого вынули половину мозга?* (И. Тургенев. Первая любовь);

В двери с шумом вдавливается Пэпэш, передрагивая, точно *лошадь, сгоняющая оводов*, красной кожей (А. Белый. Маски).

Однако, по нашим наблюдениям, в современных прозаических текстах явно возрастает объем компаративной конструкции за счет распространителей разных типов. При этом распространители компаративного тропа также могут быть метафорами. Например, в романе А. Иванова «Золото бунта» сложное прилагательное *петушино-красный*, определяя метафору *блин* (солнца), в свою очередь выражает сравнительное значение и служит метафорическим эпитетом: *Петушино-красный блин солнца уже наполовину окунулся в сметану вечерней мглы*.

Конкретизация образа сравнения в современной прозе нередко сопровождается его снижением, что обусловлено использованием языковых единиц, характеризующихся

иронической экспрессией. Это, в частности, наблюдается при употреблении компаративных тропов с прецедентными именами; ср.:

Любка, у которой деньги отродясь не водились, лишь недоуменно пожала плечами, с загадочной улыбкой *поистаскавшейся Джоконды* потерла большой палец об указательный (Н. Дежнев. Год бродячей собаки);

Марине и прежде не раз приходило в голову, что Клубба ведет себя, будто *свихнувшийся Чичиков*, купающий мертвые души не ради заклада, а ради вечного владения сонмом мертвецов (О. Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке);

Неужели сам не понимаешь, что это нелепо? *Побитый молью Ромео* — это смешно... (С. Романов. Парламент).

Тенденция к снижению образа в целом характерна для современной русской прозы. Оно достигается также регулярным употреблением жаргонной, арготической, просторечной лексики в составе метафор и сравнений. Например, во многих современных текстах последовательно используются образные средства молодежного жаргона:

Пацаны явно *припухли* от моей наглости, потому что не могли *врубиться*, *мозги я отступил* или такой дерзкий (Ш. Идиатуллин. Город Брежнев);

Махаться ведь совсем не хотел (Там же);

Отдыхающие «*муфлоны*» дохли от жары и так хлестали пиво, что вместе с ним, увлекаемы разжижением мозга, стекали, как в минное поле, в море (А. Иличевский. Ай-Петри);

Более того, если кто-то вдруг начнет спрашивать разрешения, значит, этот человек — лох педальный, фраер ушастый, *муфлон* рогатый, другими словами, чайник (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова);

— ...я не знаю этого района! — сказал Венья, улыбаясь. И добавил, без паузы и тоже весело: — Там мочат всех наглухо, эти «*космонавты*» (З. Прилепин. Санька).

Проникает в компаративные конструкции современной прозы и лексика воровского жаргона:

Дед и Наум находятся на самой верхней ступеньке. Причем главный — Дед, он — *бугор*, пахан, начальник, Наум же стоит ниже (В. Залотуха. Свечка).

В связи с усложнением структуры повествования в прозе XX–XXI вв. в тексте

усиливается роль субъектно-речевых планов персонажей, наблюдается их интерференция с речью нарратора, возрастает роль непосредственно-авторского повествования, в котором последовательно используются компаративные конструкции, определяемые точкой зрения персонажа. Например, в романе Х. Побяржиной «Валсарб» выбор образов сравнения мотивируется точкой зрения ребенка:

Мороз и солнце, день чудесный, говорит папа. Солнце — белое и ровное *блюдец*, от него больно глазам, и я смотрю на сугробы, такие блестящие, как *мамины голубые тени для век в прозрачной коробочке*. <...> Черные карандаши деревьев вдали... сверкают *белыми прическами, украшенными блестящей мишурой*.

Регулярная передача точки зрения персонажа часто определяет включение в компаративную конструкцию разговорных, просторечных и жаргонных лексических единиц. Например, в романе Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд» такие единицы регулярно встречаются во внутренней речи красноармейца Деева, ср.:

И что ты за трепло такое, дед, хотелось Дееву выругаться. Не ровён час *шлепнут нас, как комаров*, — а ты всё любопытствуешь, интерес свой тешишь!

Современной русской прозе присуще последовательное использование развернутых тропов для передачи оптической, пространственной, временной и оценочной точек зрения персонажа, при этом метафоры и сравнения образуют в тексте оппозиции или служат одним из способов развертывания сквозных мотивов произведения.

Общая для современной прозы тенденция к углублению интертекстуальных и интермедийных связей произведения находит отражение в регулярном использовании образов сравнения, которые отсылают к предшествующим литературным текстам, живописи и музыке, например:

...домой Василий Иванович, прямо скажем, не торопился, торчал в своем кабинете иногда часов до одиннадцати, а то и до двенадцати, и выходил из штаба дивизии, как тот *император из гроба*, и брел по безлюдному полному поселку (Т. Кибиров. Генерал и его семья);

— Мне хочется понять, — продолжал я, — какое место в вашей картине мира занимают

такие люди, как Топоров... он для меня — человек-тайна, то есть тьма... — Он очень одинок, — сказал Брат Глагол. — *Король Лир*. — И с усмешкой добавил: — А я при нем *шут* (Ю. Буйда. Стален);

Слыша речь Ганны, хочется отойти от нее еще дальше. Просто *Элиза Дулиттл* какая-то. Только вот я — не *профессор Хиггинс* (Е. Водолазкин. Брисбен);

Зависть Веры раскрыла глаза, они были голодные и черные, как у *женщин Модильяни* (А. Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной);

И когда налетал внезапный шквал ветра, серебристые эти кроны [олив] рокотали *партитами Баха* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Обновление образов сравнения в компаративных конструкциях в результате способствует актуализации интертекстуальных связей в современных прозаических текстах.

Выводы. Таким образом, для современной русской прозы характерно последовательное обновление образов сравнения компаративных конструкций. Их состав пополняется наименованиями новых реалий, компьютерными и научными терминами. Ряды образов сравнения расширяются на основании родо-видовых и синонимических отношений. Кроме того, в тропах широко используются прецедентные имена, устанавливающие интертекстуальные и интермедийные связи с литературными произведениями, произведениями живописи и музыки. Обновление компаративных конструкций сопровождается частой конкретизацией образов сравнения, одновременно в современной прозе наблюдается тенденция к их стилистическому снижению, что особенно ярко проявляется в конструкциях с прецедентными именами и в тропах, включающих разговорную,

просторечную, жаргонную лексику. Лексические единицы этих подсистем широко представлены в несобственно-авторском повествовании, роль которого возрастает в прозе XX–XXI вв. Обновленные компаративные конструкции взаимодействуют в современной русской прозе с традиционными образными параллелями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Димитриева О. И.* Компаративные тропы в осмыслении ситуации винопития в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» // *Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сб. научных статей / под общ. ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой.* М.: Аквилон, 2021. С. 55–68.

2. *Кожеевникова Н. А.* Эволюция тропов // *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация.* М.: Наука, 1995. С. 6–79.

REFERENCES

1. *Dimitrieva O. I.* Comparative tropes in the comprehension of the situation of wine drinking in the novel "The Love for Three Zuckerbrins" by V. Pelevin. *Metaforicheskaya kartina mira sovremennoi khudozhestvennoi prozy: sb. nauch. st. / pod obsh. red. Z. Yu. Petrovoi, N. A. Fateevoi = Metaphorical picture of the world of modern fiction prose: a collection of scientific articles / Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva (eds.).* Moscow: Akvilon, 2021. P. 55–68. (In Russ.)

2. *Kozhevnikova N. A.* Evolution of tropes. *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya = Essays on the history of the language of Russian poetry of the twentieth century. Figurative means of poetic language and their transformation.* Moscow: Science, 1995. P. 6–79. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор

Зоя Юрьевна Петрова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Natalia A. Nikolina, Candidate of Sciences (Philology), Professor

Zoya Yu. Petrova, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 28.04.2023.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 28.04.2023.